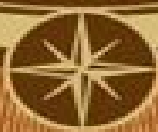

Пять недель на воздушном шаре

Про книгу

Однажды доктор Самуэль Фергюссон вместе со слугой Джо и другом Диком Кеннеди решаются на рискованное путешествие на воздушном шаре. Полет над неизведанными пустынными территориями Африки, исследование истоков Нила, схватки с туземцами, нападения огромных кондоров и даже спасение французского миссионера от дикарей — героев ждут опасности и захватывающее приключение...

ЖЮЛЬ ВЕРН

ПЯТЬ НЕДЕЛЬ
НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

Жюль Верн

Пять недель на воздушном шаре

Р^{оман}

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2020

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2020

ISBN 978-617-12-7986-5 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Верн Ж.

ВЗ5 Пять недель на воздушном шаре : роман / Жюль Верн ; пер. с фр. А. Кублицкой-Пиоттух. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 336 с. — (Серия «Жюль Верн», ISBN 978-617-12-7086-2)

ISBN 978-617-12-7669-7

УДК 821.133.1

Перевод с французского *А. А. Кублицкой-Пиоттух*

Дизайнер обложки *Евгений Вдовиченко*

Глава 1

Речь, вызвавшая аплодисменты. — Представление доктора Самуэля Фергюссона собранию. — Exscelsior. — Портрет доктора Фергюссона. — Убежденный фаталист. — Обед в «Клубе путешественников». — Провозглашение тостов.

Заседание Лондонского королевского географического общества 14 января 1862 года в здании на площади Ватерлоо, 3 было весьма многолюдным. Президент общества сэр Фрэнсис М. делал своим почтенным коллегам важное сообщение, и речь его часто прерывалась аплодисментами. Это выступление — редкий образец красноречия — завершилось наконец следующими напыщенными фразами, в которых целым потоком изливались патриотические чувства:

— Англия всегда шествовала во главе других наций. (Заметьте: нации всегда шествуют во главе друг друга.) Этим она обязана бесстрашию своих путешественников-исследователей и их географическим открытиям. (Оживленные возгласы одобрения.) Доктор Самуэль Фергюссон, один из ее славных сынов, не посрамит своей родины. (Со всех сторон: «Нет! Нет!») Если его попытка удастся («Конечно, удастся!»), то наши разрозненные сведения о географии Африки будут дополнены и связаны в одно целое. (Бурное выражение одобрения.) Если же она потерпит неудачу («Никогда! Никогда!»), то во всяком случае войдет в историю как один из наиболее отважных замыслов человеческого гения... (Неистовый топот ног.)

— Ура! Ура! — кричали присутствующие, наэлектризованные этими волнующими словами своего президента.

— Ура неустрашимому Фергюссону! — вырвалось у одного из самых восторженных слушателей.

Крики, полные воодушевления, неслись со всех сторон. Имя Фергюссона было у всех на устах, и мы имеем основание думать, что

оно особенно выигрывало, проходя через глотки англичан. Зал заседаний содрогался от этих криков.

Ведь здесь было много тех самых бесстрашных путешественников, исколесивших пять частей света, теперь состарившихся, утомленных, но когда-то полных энергии. Все они благодаря своей физической или моральной стойкости спаслись от кораблекрушений и пожаров; всем им грозили и томагавк индейца, и дубина дикаря, и столб пыток, и опасность попасть в желудок полинезийца. И тем не менее во время доклада сэра Фрэнсиса М. сердца старых путешественников бились восторженно, и в Лондонском географическом обществе еще не было примера столь шумных оваций оратору.

Но в Англии энтузиазм выражается не только одними словами, он чеканит монету еще быстрее, чем пресс Королевского монетного двора. Тут же на заседании было принято решение выдать доктору Фергюссону для осуществления его плана две тысячи пятьсот фунтов стерлингов. Значительность суммы соответствовала важности предприятия. Один из членов общества обратился к президенту с вопросом, не будет ли доктор Фергюссон официально представлен собранию.

— Доктор ждет распоряжений собрания, — ответил сэр Фрэнсис М.

— Пусть войдет! Пусть войдет! — раздались крики. — Любопытно увидеть собственными глазами такого необыкновенно отважного человека!

— Но, быть может, этот невероятный проект лишь мистификация, — заметил старый капитан, выделявшийся своей апоплексической наружностью.

— А что, если доктора Фергюссона вовсе не существует? — выкрикнул какой-то насмешливый голос.

— Тогда нужно было бы его изобрести, — пошутил один из членов этого серьезного общества.

— Попросите пожаловать сюда доктора Фергюссона, — распорядился сэр Фрэнсис М.

И Самуэль Фергюссон, нисколько не смущаясь, вошел в зал под гром рукоплесканий. Это был мужчина лет сорока, среднего роста и обыкновенного сложения. Лицо у него было бесстрастное, с правильными чертами и румяное — признак сангвинического

темперамента. Крупный нос, напоминавший нос корабля, — какой и должен быть у человека, рожденного делать открытия. Добрые глаза, в которых светились отвага и прежде всего ум, придавали особую привлекательность этому лицу. Руки были несколько длинные, уверенная поступь изобличала хорошего ходока.

Весь облик доктора дышал таким спокойствием и серьезностью, что при виде него и в голову не могла прийти мысль о мистификации, даже самой невинной.

Поэтому крики «ура» и аплодисменты замолкли лишь тогда, когда доктор Фергюссон любезным жестом попросил дать ему возможность говорить. Он направился к приготовленному для него креслу; став возле него, он устремил на собрание энергичный взгляд, поднял к небу указательный палец правой руки и произнес всего одно слово:

— Exscelsior![1]

Нет, никогда неожиданные парламентские запросы господ Брайта и Кобдена или выступления лорда Пальмерстона с требованиями чрезвычайных ассигнований для укрепления скалистых берегов Англии не имели такого бурного успеха, как это брошенное доктором Фергюссоном слово. Оно совершенно затмило и самый доклад сэра Фрэнсиса М. Доктор показал себя человеком одновременно великим, скромным и осторожным. Все дело он умудрился охарактеризовать единым словом: Exscelsior.

Старый капитан, сразу перешедший на сторону этого необыкновенного человека, немедленно потребовал, чтобы речь Фергюссона была полностью напечатана в «Известиях Лондонского географического общества».

Но кто же был этот доктор Фергюссон и какому делу собирался он себя посвятить?

Отец молодого Фергюссона, честный капитан английского флота, с самого раннего возраста приучил сына к опасностям и приключениям своей профессии. Славный мальчик, по-видимому никогда не знавший, что такое страх, рано проявил живой ум, исследовательские способности и удивительную склонность к научной работе; кроме того, он обладал редким умением выходить из затруднительных положений. Ничто никогда не ставило его в тупик: даже когда он впервые взял в руку вилку, и то он не растерялся, как это бывает обыкновенно с детьми. Рано пристрастился он к чтению книг о смелых

похождениях и морских экспедициях, возбуждавших его фантазию. С большим интересом изучал он открытия, ознаменовавшие первую половину XIX века. Он мечтал о славе Мунго Парка, Брюса, Кайе, Левайяна и, наверное, не мог немного не помечтать о славе Селькирка — прообраза Робинзона Крузо, — она казалась ему не менее заманчивой. Сколько чудесных часов провел мальчик с Селькирком на его острове Хуан-Фернандес! Юный Самуэль порой одобрял действия одинокого матроса, порой не соглашался с его планами и проектами. Ему казалось, что на его месте он поступил бы иначе, быть может лучше, и во всяком случае — не хуже! Но, наверное, он никогда не покинул бы этого благодатного острова, где Робинзон был счастлив, как король без подданных. Никогда! Даже если бы ему, Самуэлю, предложили стать первым лордом адмиралтейства!

Можно представить себе, как развились все эти наклонности в пору его молодости, среди приключений, пережитых во всех частях земного шара! Отец его, будучи сам образованным человеком, не преминул развить живой ум сына серьезным изучением гидрографии, физики, механики, а также познакомил его с основами ботаники, медицины, астрономии.

Когда почтенный капитан Фергюссон скончался, сыну его Самуэлю было двадцать два года и он уже успел совершить кругосветное плавание. После смерти отца он поступил на службу в Бенгальский инженерный корпус и отличился в нескольких сражениях.

Но жизнь солдата была не по душе молодому Фергюссону: не стремясь сам командовать другими, он не желал никому подчиняться. Он вышел в отставку и стал путешествовать и, то охотясь, то составляя гербарий, добрался до северной части полуострова Индостан и пересек его от Калькутты до Сурата — простая прогулка любителя.

Из Сурата он отправляется в Австралию и здесь в 1845 году принимает участие в экспедиции капитана Стёрта, на которого была возложена задача найти огромное озеро, расположенное, по предположениям ученых, в центральной части Новой Голландии[2].

Около 1850 года Самуэль Фергюссон возвращается в Англию. Охваченный более чем когда-либо страстью к открытиям, он до 1853 года сопровождает капитана Мак-Клора в его экспедиции, обогнувшей Американский континент от Берингова пролива до мыса Фарвеля. Фергюссон хорошо переносил все климаты и все трудности,

встречаемые на пути. Он прекрасно чувствовал себя среди самых тяжелых лишений. Это был тип настоящего путешественника, чей желудок сжимается и расширяется смотря по обстоятельствам, чьи ноги укорачиваются и удлиняются смотря по длине случайного ложа, на котором он может в любой час дня заснуть и в любой час ночи проснуться.

Поэтому неудивительно, что наш неутомимый путешественник с 1855 по 1857 год исследует в обществе братьев Шлагинтвейт всю западную часть Тибета и возвращается из этой экспедиции с запасом любопытных этнографических наблюдений.

Принимая участие во всех этих экспедициях, Самуэль Фергюссон в то же время был самым деятельным и самым популярным корреспондентом дешевой, всего в один пенс, газеты «Дейли телеграф», ежедневный тираж которой достигал ста сорока тысяч экземпляров и едва удовлетворял спрос миллионов читателей. Вот почему доктор Фергюссон пользовался такой известностью, хотя он и не состоял членом ни одного научного учреждения, ни одного географического общества Лондона, Парижа, Берлина, Вены или Петербурга, ни «Клуба путешественников», ни даже Королевского политехнического общества, где тон задавал его друг, статистик Кокбурн.

Этот ученый даже пообещал однажды Фергюссону, желая быть ему приятным, решить следующую задачу: зная число миль, пройденных доктором в его странствиях, вычислить, насколько его голова проделала больше, чем ноги, вследствие разницы радиусов. Или же, зная число миль, проделанных ногами и головой доктора, вычислить его рост с точностью до одной линии[3].

Но Фергюссон всегда держался вдали от ученых обществ, принадлежа, так сказать, к секте воинствующей, а не болтающей, и считал более полезным употреблять время на исследования и открытия, чем на споры и разглагольствования.

Рассказывают, что один англичанин специально приехал в Швейцарию, для того чтобы осмотреть Женевское озеро. Его усадили в одну из тех старых карет, где сиденья устроены, как в омнибусах, по бокам. Случайно наш англичанин сел спиной к озеру. И вот, объехав его кругом, он ни разу не вздумал оглянуться и вернулся в Лондон в восторге от Женевского озера!

Доктор Фергюссон не раз оборачивался во время своих странствований и, оборачиваясь, многое видал. Это было в его натуре. И мы имеем основание думать, что доктор был немного фаталистом, но фаталистом в подлинном смысле этого слова: он надеялся на судьбу и даже на Провидение. Он считал, что какая-то сила толкает его путешествовать и, объезжая земной шар, он подобен паровозу, который не избирает сам направления, а мчится по проложенным рельсам.

— Не я гонюсь за дорогой, а она за мной, — часто говаривал он.

Поэтому то хладнокровие, с которым доктор Фергюссон встретил аплодисменты членов географического общества, вполне объяснимо. Он, не знавший ни гордости, ни тщеславия, был выше подобных мелочей. Предложение, сделанное им президенту общества сэру Фрэнсису М., он считал делом совершенно простым и естественным и даже не заметил, какое огромное впечатление оно произвело на собрание.

По окончании заседания доктора повезли на улицу Пель-Мель в «Клуб путешественников», где в честь него было устроено великолепное пиршество. Количество блюд соответствовало значению, которое придавалось экспедиции почетного гостя, а поданный на стол осетр был только на каких-нибудь три дюйма короче самого Самуэля Фергюссона. Французские вина лились рекой, провозглашалось множество тостов в честь знаменитых путешественников, прославившихся своими исследованиями Африки. Пили за здоровье одних и за светлую память других, придерживаясь при этом алфавита, что было совершенно по-английски: пили за Аббади, Адамса, Адансона, Андерсона, Арно, Арнье, Барта, Бейки, Бельтраме, Бьертонна, Бёрчела, Бика, Бимбачи, Болвика, Болдуина, Болзони, Болоньези, Боннемена, Брэн-Ролле, Брауна, Бриссона, Брюса, Буркхардта, Вайлда, Вальберга, Варингтона, Вашингтона, Вейсьера, Венсана, Верне, Винко, Водея, Галинье, Гальтона, Гольберри, Дебоно, Дезаваншера, Деккена, Денхэма, Диксена, Диксона, Дочарда, Дункана, Дю Берба, Дюверье, Дюрана, Дюруле, Дю Шаллю, Жоффруа, Ибн Баттута, Кайе, Кайо, Кауфмана, Кёмминга, Кемпбелла, Клаппертона, Клот-Бея, Кноблехера, Коломье, Крапфа, Куммера, Куни, Курваля, Лажая, Ламбера, Ламираля, Ламприера, Лафарга, Левайяна, Лежана, Ленга, Джона Лендера, Ричарда Лендера, Лефевра, Ливингстона,

Мадьяра, Мак-Карти, Мальзака, Мольена, Монтейро, Моррисона, Моффата, Мунго Парка, Мэзана, Нейманса, Овервега, Пана, Партаррьо, Паскаля, Педди, Пеня, Пирса, Питрика, Понсе, Пракса, Рата, Раффенеля, Ребмана, Рилея, Ритчи, Ричардсона, Ронгави, Рошера, Рюппеля, Сонье, Спика, Такки, Таусни, Тибо, Тирвитта, Томпсона, Торнтонна, Троттера, Туля, Ферре, Фогеля, Френеля, Халма, Хана, Хейглина, Хорнемана, Хоутона, Чепмена, Штейднера, Эккара, Эмбера, Эрхардта, Роше д'Эрикура, д'Эскейрак де Лотюра.

Наконец подняли бокалы за доктора Самуэля Фергюссона, который своим удивительным начинанием должен был связать воедино труды всех предшественников и внести собственный вклад в изучение Африки.

Глава 2

Заметка в газете «Дейли телеграф». — Полемика в научных журналах. — Доктор Петерман поддерживает своего друга доктора Фергюссона. — Ответ ученого Конера. — Заключение многочисленных пари. — Различные предложения, сделанные доктору Фергюссону.

На следующий день, 15 января, в газете «Дейли телеграф» была напечатана следующая заметка:

«Наконец-то Африка раскроет тайну своих необъятных пустынь. Современный Эдип[4] разгадает загадку, которая была не по силам ученым шестнадцати веков. В былые времена искать истоки Нила (fontes Nili quoerere) считалось безумной попыткой, неосуществимой мечтой.

Доктор Барт, шедший до Судана по пути, начертанному Денхэмом и Клаппертоном; доктор Ливингстон, проделавший свои отважные исследования от мыса Доброй Надежды до бассейна реки Замбези; капитаны Бёртон и Спик, открывшие Великие внутренние озера, — все эти путешественники проложили для современной цивилизации три новых пути. Точка пересечения этих путей есть как бы сердце Африки, куда до сих пор не удалось проникнуть ни одному путешественнику. Сюда-то и должны быть устремлены все усилия.

И вот доктор Самуэль Фергюссон, чьи славные исследования не раз были оценены по заслугам нашими читателями, возобновляет труды смелых пионеров науки, предпринимает еще одну отважную попытку.

Этот неустрашимый исследователь намерен пересечь на воздушном шаре всю Африку с востока на запад. Если не ошибаемся, то исходным пунктом его изумительного путешествия будет остров Занзибар, расположенный у восточного берега Африки. Что же

касается конечного пункта путешествия, он известен лишь Провидению.

Вчера на заседании Лондонского королевского географического общества было доложено об этом предполагаемом научном исследовании и тут же на заседании было ассигновано на покрытие расходов экспедиции две тысячи пятьсот фунтов стерлингов.

Мы все время будем держать наших читателей в курсе экспедиции, не имеющей прецедента в географических летописях».

Разумеется, заметка наделала много шума. Прежде всего она вызвала целую бурю сомнений: доктор Фергюссон казался какой-то сказочной личностью. Говорили, что все это вымысел Барнема, который в свое время «поработал» в Соединенных Штатах, а теперь нацеливается на Англию. В февральском номере «Известий географического общества», издаваемых в Женеве, появилась остроумная статейка, высмеивающая Лондонское географическое общество, пиршество в «Клубе путешественников» и даже феноменального осетра.

Петерман в своем «Бюллетене», издаваемом в Готе, заставил замолчать женевский журнал. Он лично знал доктора Фергюссона и ручался за неустрашимость своего отважного друга.

Впрочем, вскоре все малoverы были окончательно посрамлены: приготовления к путешествию делались в самом Лондоне. Стало известно, что лионские фабрики получили солидный заказ на шелковую тафту для воздушного шара; а британское правительство предоставило в распоряжение доктора Фергюссона пароход «Решительный» под командованием капитана Пеннета.

Тут сразу со всех сторон посыпались тысячи горячих поздравлений и пожеланий успеха. Описание подробностей экспедиции появилось на страницах парижских «Известий географического общества», интересная статья была напечатана в «Новых летописях путешествий, географии, истории и археологии», издаваемых В. А. Мальт-Бреном, добросовестный научный труд был опубликован в немецком «Географическом вестнике» доктором В. Конером, который убедительно показал возможность путешествия, вероятность успеха, характер препятствий и громадные преимущества передвижения по воздуху. Не одобрял он лишь отправной точки: по его мнению, разумнее было бы выбрать Массауа, маленький порт в Абиссинии,

откуда Джеймс Брюс в 1768 году отправился на поиски истоков Нила. Впрочем, он безоговорочно восхищался энергией доктора Фергюссона, железным мужеством этого человека, который задумал такое путешествие и готовится осуществить свой замысел. Североамериканскому «Обозрению» трудно было примириться со славой, выпавшей на долю Англии, и оно, вышучивая проект доктора Фергюссона, приглашало его, раз уж он пускается в подобное путешествие, залететь и в Америку.

Словом, не считая газет всего мира, не было ни одного научного журнала, — от «Вестника евангелических миссий» и до «Алжирского и колониального обозрения», от «Летописей распространения христианской веры» и до «Миссионерских ведомостей», — который в той или иной форме не отозвался бы на это смелое предприятие.

В Лондоне и по всей Англии заключались крупные пари: во-первых, действительно ли существует доктор или это только мифическая личность; во-вторых, будет ли предпринято путешествие; в-третьих, успешна ли будет эта экспедиция и, наконец, в-четвертых, вернется ли обратно или погибнет доктор Фергюссон. В книгу записей о заключенных пари заносились огромные суммы, словно дело шло о скачках в Эпсоме.

Таким образом, верующие и маловеры, невежды и ученые — все обратили свои взоры на доктора Фергюссона, и он стал, сам того не подозревая, героем дня. Доктор охотно сообщал всем интересующимся самые подробные сведения о своей экспедиции, был чрезвычайно доступен и держал себя очень просто и естественно. Не один смелый искатель приключений, жаждавший разделить с ним славу и опасности, являлся к нему, но он всем отказывал, не давая по этому поводу никаких объяснений.

Многие изобретатели предлагали Фергюссону свои приборы для управления его воздушным шаром, но ни одним из них он не пожелал воспользоваться. На вопрос, не изобрел ли он сам подобного механизма, доктор неизменно отмалчивался. Он упорно занимался приготовлениями к путешествию.

Глава 3

Друг доктора Фергюссона. — Когда возникла эта дружба. — Дик Кеннеди в Лондоне. — Неожиданное и странное предложение. — Малоутешительная поговорка. — Несколько слов о мучениках Африки. — Преимущества воздушного шара. — Тайна доктора Фергюссона.

У доктора Фергюссона был друг. Он не был его alter ego — вторым я. Дружбы не бывает между двумя во всем похожими друг на друга существами. В данном случае несходство характеров, склонностей, темпераментов нисколько не мешало Фергюссону и Кеннеди жить душа в душу, а наоборот, делало их дружбу еще крепче.

Дик Кеннеди был шотландец в полном смысле этого слова: откровенный, решительный и упрямый. Жил он под Эдинбургом, в маленьком городке Лейте — это почти пригород Старой коптильни[5]. Кеннеди был большой любитель рыбной ловли, но главной страстью его являлась охота, что совершенно естественно для сына Каледонии[6], выросшего среди гор. Особенно славился Кеннеди как стрелок из карабина. Он так метко попадал в лезвие ножа, что пуля расщеплялась на две половины, равные даже по весу.

Лицом Кеннеди походил на Хальберта Глендиннинга, как его нарисовал Вальтер Скотт в романе «Монастырь». Ростом выше шести английских футов, стройный и ловкий, он в то же время производил впечатление настоящего геркулеса. Его внешность невольно располагала к себе: потемневшее от загара лицо, живые черные глаза, смелость и решительность движений, наконец, что-то доброе и честное во всем облике.

Знакомство друзей завязалось в Индии, где оба служили в одном полку. В то время как Дик охотился на тигров и слонов, Самуэль собирал коллекции растений и насекомых. Каждый из них был

мастером своего дела, и найденное доктором редкое растение часто оказывалось не менее ценным, чем пара слоновьих бивней, добытых его другом-охотником.

Молодые люди никогда не имели случая спасти друг другу жизнь или оказать один другому услугу. Это еще больше скрепляло их дружбу.

Судьба порой их разлучала, но взаимная симпатия всегда снова соединяла. По возвращении из Индии они часто расставались из-за далеких экспедиций доктора, но тот, вернувшись на родину, каждый раз неизменно проводил у своего друга несколько недель. Дик говорил о прошлом, а Самуэль строил планы на будущее: один глядел вперед, другой — назад. У Фергюссона характер был беспокойный. Кеннеди был олицетворенная невозмутимость.

После своего путешествия в Тибет доктор около двух лет не заговаривал о новых экспедициях, и Дик уже начинал думать, что страсть к путешествиям и жажда приключений стали у его друга охладевать. Шотландец был в восторге. Не сегодня так завтра, размышлял он, это должно плохо кончиться. Как бы ни был опытен человек, нельзя же безнаказанно бродить всю жизнь среди людоедов и диких зверей. И Дик горячо уговаривал Самуэля бросить путешествия, уверяя его, что он уже достаточно много сделал для науки, а для того, чтобы заслужить благодарность человечества, — и того больше. На все эти уговоры Фергюссон не отвечал ни слова. Он был задумчив, занимался какими-то таинственными вычислениями, проводил целые ночи над опытами с необыкновенными приборами, никому до сих пор не известными. Чувствовалось, что в голове его созревает какой-то великий план.

«Что он замышляет?» — стал теряться в догадках Кеннеди, когда приятель неожиданно в январе покинул его и уехал в Лондон.

И вот однажды утром он наконец узнал это из заметки «Дейли телеграф».

— Боже мой! — закричал Дик. — Сумасшедший! Безумец! Лететь через Африку на воздушном шаре! Этого еще не хватало! Так вот, оказывается, что он обдумывал в течение двух лет!

Если мы поставили после каждой его фразы восклицательный знак, то Кеннеди кончал их тем, что ударял себя кулаком по голове, и если

вы представите себе эту картину, то получите понятие о состоянии Дика.

Экономка Дика, старушка Эльспет, решилась было заикнуться, что сообщение ложное.

— Ну что вы! — воскликнул Кеннеди. — Будто я не узнаю в этом своего друга. Да разве это на него не похоже? Путешествовать по воздуху! Он, изволите ли видеть, теперь вздумал соперничать с орлами! Ну нет! Такому не бывать! Уж я сумею его образумить! Дай ему только волю, так в один прекрасный день он и на Луну, пожалуй, отправится.

В тот же вечер Кеннеди, встревоженный и раздраженный, сел в поезд и на следующий день был в Лондоне.

Через каких-нибудь три четверти часа его кэб остановился у маленького домика на Греческой улице, возле сквера Сохо, где жил доктор Фергюссон. Шотландец взбежал на крыльцо и пятью оглушительными ударами в дверь возвестил о своем прибытии. Фергюссон сам открыл ему.

— Дик! — воскликнул он, впрочем, без особенного удивления.

— Он самый, — заявил Кеннеди.

— Как это ты, дорогой Дик, в Лондоне в разгар зимней охоты?

— Да! Я в Лондоне.

— Для чего же ты приехал?

— Помешать неслыханному безрассудству!

— Безрассудству? — переспросил доктор.

— Верно ли то, что говорится в этой газете? — спросил Кеннеди, протягивая другу номер «Дейли телеграф».

— Ах вот оно что! Эти газеты, надо сказать, довольно-таки нескромны. Но присядь же, дорогой Дик.

— И не подумаю! Скажи, ты в самом деле затеял это путешествие?

— В самом деле. У меня многое уже готово, и я...

— И где же оно? Я разнесу, разобью все вдребезги!

Милый шотландец не на шутку разбушевался.

— Успокойся, дорогой Дик, — заговорил доктор. — Я тебя понимаю. Ты обижен на меня за то, что я до сих пор не ознакомил тебя с моими проектами...

— И он еще называет это своими проектами!

— Видишь ли, я был чрезвычайно занят, — продолжал Фергюссон, не обращая внимания на возглас Дика. — У меня уйма дел, но успокойся же: я ведь непременно написал бы тебе, прежде чем уехать...

— Очень мне это важно! — перебил его Кеннеди.

— ...по той простой причине, что я намерен взять тебя с собой, — договорил Фергюссон.

Шотландец отпрянул с легкостью, которая могла бы сделать честь серне.

— Послушай, Самуэль, не хочешь ли ты, чтобы нас обоих заперли в Бедлам?[7]

— Именно на тебя я рассчитывал, дорогой мой Дик, и остановился на тебе, отказав очень многим.

Кеннеди совершенно остолбенел.

— Если ты слушаешь меня в течение каких-нибудь десяти минут, — спокойно продолжал Фергюссон, — то, поверь, будешь мне благодарен.

— Ты говоришь серьезно?

— Очень серьезно.

— А что, если я откажусь сопровождать тебя?

— Ты не откажешься.

— Но если все же откажусь?

— Тогда я отправлюсь один.

— Ну, сядем, — предложил охотник, — и поговорим спокойно. Раз ты не шутишь, дело стоит того, чтобы его хорошенько обсудить.

— Только если ты ничего не имеешь против, обсудим его за завтраком, дорогой Дик.

Друзья уселись напротив друг друга за столиком, на котором возвышались гора бутербродов и огромный чайник.

— Дорогой мой Самуэль, — начал охотник, — твой проект безумен. Он невозможен. В нем нет ничего серьезного и осуществимого.

— Ну, это мы увидим. Сначала испробуем, — отозвался доктор.

— Но попробовать-то именно и не надо, — настаивал Кеннеди.

— А почему, скажи на милость?

— А всевозможные опасности и препятствия? Ты о них забываешь?

— Препятствия на то и существуют, чтобы их преодолевать, — с серьезным видом ответил Фергюссон. — Что же касается опасностей, то кто вообще гарантирован от них? В жизни опасности на каждом шагу. Может быть, опасно сесть за стол, надеть на голову шляпу... Чему быть, того не миновать. В будущем надо видеть настоящее, ведь будущее и есть более отдаленное настоящее.

— Ну вот, — сказал Кеннеди, пожимая плечами. — Ты всегда был фаталистом.

— Да, всегда, но в хорошем смысле этого слова. Так не будем гадать, что готовит нам судьба. Вспомним-ка добрую английскую поговорку: «Кому суждено быть повешенным, тот не утонет».

На это сказать было нечего, но Кеннеди все же нашел немало возражений, слишком длинных для того, чтобы их здесь приводить.

— Ну хорошо, — заявил он после целого часа препирательств. — Если ты во что бы то ни стало хочешь пересечь всю Африку, если это совершенно необходимо для твоего счастья, то почему не воспользоваться обычными путями?

— Почему? — спросил, воодушевляясь, доктор. — Да потому, что до сих пор все такие попытки терпели неудачи. Мунго Парк был убит на Нигере, Фогель исчез бесследно в стране Вадаи, Оудней умер в Мурмуре, Клаппертон — в Сокоото, француз Мэзан был изрублен на куски, майор Ленг убит туарегами, Рошер из Гамбурга погиб в начале тысяча восемьсот шестидесятого года. Как видишь, длинен список мучеников: немало жертв понесли мы в Африке. Очевидно, невозможно бороться со стихиями, с голодом, жаждой, лихорадкой, с дикими зверями и тем более с дикими туземными племенами. А если нельзя сделать что-либо одним способом, оно должно быть сделано другим: если нельзя пройти посредине, надо обойти сбоку или пронестись сверху.

— Вот это-то и страшно, — заметил Дик.

— Чего же бояться? — возразил доктор с величайшим хладнокровием. — Ты ведь не можешь сомневаться в том, что я принял все меры предосторожности против аварии моего воздушного шара? Но даже случись с ним что-нибудь, и тогда я все же окажусь на земле, как всякий другой путешественник. Повторяю, мой шар меня не подведет, а об авариях не стоит и думать.

— Наоборот, как раз о них и следует думать.

— Нет, дорогой Дик. Я намерен расстаться со своим воздушным шаром не раньше, чем доберусь до западного побережья Африки. Пока я на нем, на этом шаре, все становится возможным! Без него же я подвергаюсь опасностям и случайностям прежних экспедиций. С шаром мне не страшны ни зной, ни потоки, ни бури, ни самум, ни вредный климат, ни дикие звери, ни даже люди! Мне слишком жарко — я поднимаюсь выше; мне холодно — я спускаюсь; гора на моем пути — я ее перелетаю; пропасть, река — переносю через них; разразится гроза — я уйду выше нее; встретится поток — промчусь над ним, словно птица. Продвигаюсь я вперед, не зная усталости, и останавливаюсь, в сущности, вовсе не для отдыха. Я парю над неизвестными странами... Я мчусь с быстротой урагана то в поднебесье, то над самой землей, и карта Африки разворачивается перед моими глазами, будто страница гигантского атласа...

Слова Фергюссона тронули доброго Кеннеди, но вместе с тем у него закружилась голова от картины, нарисованной его другом. Он смотрел на Самуэля с восхищением и со страхом, и ему казалось, что он уже раскачивается в воздухе...

— Но постой-ка, постой, дорогой Самуэль... Значит, ты нашел способ управлять воздушным шаром? — спросил Кеннеди.

— Да нет, конечно. Это утопия.

— Как же ты полетишь?

— По воле Провидения, но во всяком случае с востока на запад.

— А почему?

— Да потому, что я рассчитываю на помощь пассатов, направление которых всегда одно и то же.

— Вот как... — проговорил в задумчивости Кеннеди. — Пассаты... конечно, в крайнем случае... пожалуй... быть может...

— Нет, не быть может, а навверное! В этом все дело, — перебил его Фергюссон. — Английское правительство предоставило в мое распоряжение транспортное судно. Вместе с тем условлено, что примерно к тому времени, когда я доберусь до западного берега Африки, там будут крейсировать три или четыре судна. И вот не далее как через три месяца я буду на Занзибаре. Там я наполню газом мой шар, и оттуда мы устремимся...

— Мы?... — повторил Дик.

— Да. Неужели у тебя еще есть какое-нибудь возражение? Говори, друг Кеннеди.

— Возражение? Их у меня целая тысяча! Начнем хотя бы с такого: скажи на милость, если ты собираешься осматривать местность, подниматься и опускаться по своему желанию, то ведь тебе придется тратить газ. До сих пор, насколько мне известно, иного способа не было, а это всегда и служило препятствием для долгих путешествий по воздуху.

— На это, дорогой мой Дик, я отвечу тебе одно: я не буду терять ни одного атома газа, ни одной его молекулы...

— И ты сможешь по своему желанию снижаться?

— Смогу по своему желанию снижаться.

— Как же ты это сделаешь?

— А это уж моя тайна, дорогой мой друг. Положись на меня, и пусть мой девиз — Exscelsior — станет и твоим.

— Ну ладно. Exscelsior так Exscelsior, — согласился охотник, ни слова не знавший по-латыни.

Но в то же время он был твердо намерен всеми средствами противиться отъезду своего друга. Он сделал лишь вид, что согласился с ним, а в душе решил довольствоваться ролью зрителя. Самуэль же после этого разговора отправился наблюдать за приготовлениями к полету.

Глава 4

Исследователи Африки: Барт, Ричардсон, Овервег, Берне, Брэн-Ролле, Пеней, Андреа Дебоно, Миани, Гийом Лежан, Брюс, Крапф и Ребманн, Мэзан, Рошер, Бёртон и Спик.

Воздушный путь, которого собирался придерживаться доктор Фергюссон, был им выбран далеко не случайно. Он серьезно обдумал, откуда надо начать свой полет, и у него были основательные причины, чтобы подняться именно с острова Занзибар. Расположен этот остров на восточном побережье Африки под 6° южной широты, то есть на четыреста тридцать географических миль[8] ниже экватора. Отсюда же отправилась незадолго до того последняя экспедиция, посланная к Великим озерам для открытия истоков Нила.

Нужно заметить, что Фергюссон намеревался связать результаты двух главных исследований: доктора Барта в 1849 году и лейтенантов Бёртона и Спика в 1858 году.

Доктор Барт, уроженец Гамбурга, получил разрешение присоединиться вместе со своим соотечественником Овервегом к экспедиции англичанина Ричардсона, направлявшейся в Судан.

Эта обширная страна лежит между 150 и 100° северной широты, и, чтобы добраться до нее, нужно проникнуть вглубь Африки на полторы тысячи миль.

До сих пор она была известна только по путешествиям Денхэма, Клаппертона и Оуднея (1822—1824 годы). Ричардсон, Барт и Овервег, стремясь продвинуться дальше, прибыли сначала, как и их предшественники, в Тунис и Триполи, а оттуда в столицу Феццана — Мурзук.

Тут они уклоняются от направления, перпендикулярного к экватору, и делают крюк на запад, к городу Гат. Проводники у них — туареги, и это создает немало затруднений. После всяких грабежей,

оскорблений, вооруженных нападений их караван наконец прибывает в обширный оазис Асбен. Здесь доктор Барт на время расстается со своими спутниками, чтобы предпринять экскурсию в город Агадес.

По его возвращении вся экспедиция 12 декабря снова пускается в путь. По прибытии в страну Дамергу путешественники разделяются и Барт направляется в город Кано, которого достигает только благодаря терпению и раздаче больших сумм в виде своего рода дани.

Несмотря на сильную лихорадку, 7 марта доктор Барт покидает этот город в сопровождении одного слуги. Главной целью его путешествия является обследование озера Чад, от которого он находится на расстоянии трехсот пятидесяти миль. Продвигаясь на восток, Барт добирается до города Цуриколо в стране Борну, этого ядра великой центральной африканской империи. Здесь он узнает о смерти главы экспедиции — Ричардсона, погибшего от переутомления и лишений. Барт направляется дальше, сначала в город Кука — столицу страны Борну, расположенную на берегу озера Чад, а затем в город Нгуру, которого и достигает спустя три недели, 14 апреля, через двенадцать с половиной месяцев после своего отправления из Триполи.

Вместе с Овервегом он направляется 29 марта в страну Адамауа, к югу от того же озера Чад. Здесь он достигает Йолы — города, расположенного немного южнее 9° северной широты. Это самый южный пункт, куда удается добраться отважному путешественнику.

В августе Барт возвращается в город Кука, откуда отправляется в Мандару, Баргими, Канем и достигает самого восточного пункта своих странствований — города Массенья, расположенного на 17° 20' восточной долготы.

После смерти своего последнего спутника, Овервега, доктор Барт 25 ноября 1852 года отправляется на запад, посещает Сокото, переправляется через Нигер и наконец добирается до Тимбукту, где томится в течение долгих восьми месяцев, перенося оскорбления шейха, дурное обращение и нужду. Но наступает момент, когда пребывание христианина в городе становится нестерпимым. Фулахи открыто грозят ему, и 17 марта 1854 года ему приходится бежать на границу, где он скрывается в течение тридцати трех дней, претерпевая страшные лишения. Отсюда в ноябре ему удаётся добраться сначала до Кано, а затем до города Кука. Прожив здесь четыре месяца, он снова

идет по пути Денхэма. Триполи доктор достиг только в августе 1855 года, а 6 сентября того же года он — единственный из членов экспедиции — приезжает в Лондон.

Таковы в общих чертах отважные странствования доктора Барта.

Самуэль Фергюссон отметил особенно тщательно, что Барт достиг 4° северной широты и 17° восточной долготы.

Посмотрим, что делали в это время лейтенант Бёртон и Спик в Восточной Африке.

Различным экспедициям, поднимавшимся вверх по Нилу, ни разу не удалось добраться до таинственных истоков этой реки.

По сообщению Фердинанда Берне, немецкого врача, экспедиция, отправившаяся вглубь Африки в 1840 году под покровительством Мехмеда Али, остановилась в Гондокоро, между четвертой и пятой северными параллелями.

В 1855 году Брэн-Ролле, савоец, назначенный консулом Сардинии в Восточный Судан взамен умершего Водея, выехал из Хартума под именем купца Якуба, торгующего камедью и слоновой костью. Он достиг Белении, расположенной за четвертым градусом. Здесь он заболел и вернулся в Хартум, где умер в 1857 году.

Ни доктор Пеней, начальник египетской медицинской службы, который добрался на небольшом пароходе до местности, расположенной на градус ниже Гондокоро, и, вернувшись в Хартум, умер там от истощения, ни венецианец Миани, обогнувший водопады под Гондокоро и достигший второй параллели, ни мальтийский купец Андреа Дебоно, прошедший несколько дальше по Нилу, не могли переступить через эту заколдованную черту. В 1859 году Гийом Лежан по поручению французского правительства отправился в Хартум по Красному морю и отплыл по Нилу с двадцатью солдатами и экипажем, насчитывавшим десятка два матросов, но и он не пошел дальше Гондокоро; жизнь его была в большой опасности. Экспедиция, во главе которой стоял д'Эскейрак де Лотюр, тоже пыталась достигнуть истоков Нила.

Но путешественников останавливал все тот же роковой предел. Посланцы Нерона некогда достигли девятого градуса широты; следовательно, за восемнадцать столетий было выиграно каких-нибудь пять или шесть градусов, то есть от трехсот до трехсот шестидесяти географических миль.

Некоторые из путешественников пытались достигнуть истоков Нила, взяв за отправной пункт восточный берег Африки.

Шотландец Брюс, путешествие которого продолжалось с 1768 по 1772 год, выехал из абиссинского порта Массауа, пересек область Тигре, побывал на развалинах Аксума, увидел истоки Нила там, где их не было, и не добился никаких серьезных результатов.

В 1844 году доктор Крапф, английский миссионер, основал миссию в Момбасе, недалеко от Занзибара, и открыл вместе со священником Ребманном две горы на расстоянии трехсот миль от берега; это горы Килиманджаро и Кения, на которые поднялись Хейглин и Торнтон.

В 1845 году француз Мэзан высадился один в Багамойо напротив Занзибара и добрался до Джеламора, где погиб от жестокой пытки, которой его подверг вождь одного из племен.

В августе 1859 года молодой путешественник Рошер из Гамбурга, присоединившись к каравану арабских купцов, дошел до озера Ньяса, где был застигнут во время сна и убит.

Наконец, в 1857 году лейтенанты Бёртон и Спик, два офицера бенгальской армии, были посланы Лондонским географическим обществом исследовать Великие озера Африки. Они покинули Занзибар 17 июля и направились прямо на запад.

После четырех месяцев неслыханных мучений (багаж их был разграблен, а носильщики перебиты) они достигли Казеха, сборного пункта купцов и караванов. Это была область Лунных гор, и здесь они собрали драгоценный материал относительно быта, управления, религии, фауны и флоры страны. Отсюда они двинулись к первому из Великих озер — Танганьике, расположенному между 3 и 8° южной широты. Добрались они до него 14 февраля 1858 года. Здесь наши путешественники ознакомились с разными племенами (большая часть их людоеды), жившими по берегам озера.

В обратный путь они пустились 26 мая и 20 июня были уже снова в Казехе. Тут Бёртон заболел и несколько месяцев пролежал в постели. Спик воспользовался этим временем, чтобы пройти более трехсот миль к северу, к озеру Укереве. Озера он достиг 3 августа, но ему удалось осмотреть лишь небольшую его часть, расположенную на 2° 30' южной широты.

Спик вернулся в Казех 25 августа и вскоре вместе с Бёртоном двинулся к Занзибару, куда путешественники прибыли только в марте

следующего года. Отсюда два смелых исследователя направились в Англию. Парижское географическое общество присудило им премию.

Доктор Фергюссон не преминул с обычной своей точностью отметить, что эта последняя экспедиция не перешла 2° южной широты и 29° восточной долготы.

Итак, цель доктора Фергюссона заключалась в том, чтобы соединить исследования Барта с позднейшими исследованиями Бёртона и Спика. Для этого надо было продвинуться по африканскому материку более чем на двенадцать градусов.

Глава 5

Сны Кеннеди. — Злоупотребление местоимениями множественного числа. — Намеки Дика. — Прогулка по карте Африки. — Между двумя точками циркуля. — Новейшие экспедиции. — Спик и Грант. — Крапф, Деккен, Хейглин.

Доктор Фергюссон очень энергично готовился к отъезду. Он лично руководил сооружением воздушного шара, делая в нем некоторые изменения, неизвестно какие, ибо доктор на этот счет был нем как могила. Он уже давно начал изучать арабский язык, а также разные наречия негров и благодаря своим лингвистическим способностям сделал большие успехи.

Тем временем его друг-охотник не отходил от него ни на шаг. Должно быть, Дик боялся, как бы Самуэль не улетел, не сказав ему ни слова. Не раз шотландец снова порывался убеждать друга отказаться от своей затеи, но тот был непоколебим. Порой Кеннеди обращался к нему с патетической мольбой, но и это не трогало доктора. И вот Дику стало казаться, что Фергюссон словно ускользает у него из рук. Бедный шотландец действительно заслуживал сожаления. Он уже не мог иначе как с ужасом смотреть на лазурный свод небес. Даже во сне у Дика кружилась голова от какого-то покачивания, и каждую ночь ему мерещилось, что он летит вниз с неизмеримых высот.

Надо сказать, что во время этих ужасных кошмаров бедный Дик раза два даже сваливался с кровати. И он сейчас же показывал Фергюссону свою расшибленную голову.

— Ведь и упал-то я всего с каких-нибудь трех футов, никак не больше, — прибавил он добродушно, — а шишка вон какая! Посуди сам.

Этот намек, в котором слышалось глубокое уныние, ничуть не смутил доктора.

— Мы не упадем, — заявил он.

— А если все-таки упадем?

— Говорю тебе — не упадем!

Это было сказано с такой уверенностью, что Кеннеди не нашелся что возразить.

Особенно раздражало его то, что доктор, казалось, совсем не считался с ним, находя, что Кеннеди бесповоротно предназначен самой судьбой быть его спутником в воздушном путешествии. Это было решенное дело. Самуэль невыносимо злоупотреблял местоимением первого лица множественного числа: «мы продвигаемся вперед», «мы будем готовы такого-то числа», «мы отправимся»... Частенько пользовался он местоимением «наш» и в единственном, и во множественном числе: «наша корзина», «наше исследование», «наши приготовления», «наши открытия», «наши подъемы»...

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ